

57. SABR. F. 1650. Sh. 1. File 44. Sh. 49.
58. Ibid. File 6. Sh. 135-138.
59. Ibid. Sh. 138.
60. Ibid. Sh. 136.
61. Andreev V. Op. cit. P. 220.

УДК 94 (470)"1941/1945" (364.012)

Н. В. Чернышева

Социальная поддержка эвакуированного населения в Кировской области в 1941–1945 гг.

В статье рассматриваются основные формы и виды социальной поддержки эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны. Автор отмечает специфику данной социальной категории, принципы оказания помощи, меры государственной, общественной поддержки и частные инициативы граждан.

The article deals with the basic forms and types of social support evacuated population during the Great Patriotic War. The author points out the specifics of this social category, the principles of assistance measures of the state, public support and private initiative of citizens.

Ключевые слова: эвакуированное население, социальная поддержка, Великая Отечественная война.

Keywords: evacuated population, social support, the Great Patriotic War.

Процесс эвакуации включал в себя не только перемещение населения, но и весь комплекс мер по их приему, размещению, оказанию материально-бытовой помощи, трудовому устройству и т. д. Меры социальной поддержки осуществлялись посредством взаимодействия государственных и общественных структур. Данный сложный механизм предстояло наладить и совершенствовать в условиях военного времени.

М. Н. Потемкина выделяет 4 этапа эволюции социальной политики в отношении эвакуанселения: июнь – декабрь 1941 г. – прибытие эвакуированных в восточные районы. Социальная политика не велась, у всех ощущение временности пребывания; январь 1942 – январь 1943 гг. – создание специальных структур, призванных осуществлять хозяйственное устройство эвакуанселения, проводить его переучет; январь 1943 – май 1945 гг. – осуществлялась постоянная и всесторонняя помощь эвакуированным; май 1945 – 1948 гг. – происходит структурная перестройка управленческого механизма [1].

На местах создавались специальные учреждения, занимающиеся вопросами эвакуации. 10 июля 1941 г. в Кировской области был создан Переселенческий отдел. Перед отделом ставилась задача обеспечить эвакуированное население жильем, топливом, работой. В дальнейшем функции Переселенческого отдела были переданы институту Уполномоченного Управления Совета по эвакуации населения по Кировской области. Главной задачей нового учреждения являлись систематизация и приведение в порядок учета эвакуанселения. При Кировском областном исполнительном комитете с 10 июля 1941 г. по 31 января 1942 г. действовал Отдел по эвакуации. Он занимался приемом и отправкой эвакуированных к месту расселения, медицинским обслуживанием в эвакуопунктах и лечебных учреждениях, оказанием помощи отставшим от эшелонов и т. д. В связи с прекращением массового потока эвакуированных Отдел по эвакуации с 1 февраля 1942 г. был упразднен [2].

В это же время было издано постановление СНК СССР о ликвидации Управления Совета по эвакуации населения [3]. Создавались хозяйственные отделы по работе с эвакуированными. В феврале 1942 г. был создан Отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, который просуществовал до 31 января 1942 г. [4] В задачи отдела входили:

– руководство и контроль за деятельностью местных органов власти по хозяйственно-бытовому обслуживанию эвакуированного населения при-фронтной полосы и тыловых районов РСФСР;

– руководство вопросами переселения колхозных хозяйств РСФСР;
– наблюдение за передвижением на территории РСФСР эшелонов и обслуживанием в пути населения в связи с эвакуацией или в порядке переселения колхозных хозяйств.

Отдел включал в себя три главных сектора: сектор перевозок; сектор трудоустройства и бытового обслуживания населения; сектор переселения колхозных хозяйств, а также учетно-статистическое бюро [5]. Данное учреждение просуществовало до конца войны и было реорганизовано в Переселенческое управление осенью 1945 г.

Первостепенная задача работы местных органов – принять и разместить эвакуированное население. Миграционные процессы обострили жилищную проблему в регионе, особенно в городах, где наблюдался значительный рост численности населения. Только за первый год войны в г. Кирове были размещены 54 тыс. эвакуированных граждан. К 1 января 1942 г. они составляли четверть населения областного центра [6].

Для размещения эвакуированных предоставлялись самые вместительные здания (помещения Автомотоклуба, фабрики «Гармония» и т. д.). Из крупных городских поселений неработающее население (в том числе эвакуированное) в обязательном порядке переселялось в сельскую местность [7].

Одним из главных способов решения жилищных вопросов стало уплотнение жильцов. С целью выявления свободных или малозаселенных помещений местными Советами регулярно проводились проверки жилой площади. Уплотнение осуществлялось за счет снижения санитарных норм до 5 кв. м на 1 чел. Таким образом, жильем обеспечили 19 тыс. эвакуированных в областной центр.

В сложившейся ситуации 13 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», которое предусматривало расширение устройства жилья упрощенного типа (бараков, казарм, полужемлянок) [8]. Государство предоставляло кредиты на строительство индивидуального жилья, брало часть денежных расходов на себя, а также оказывало помощь транспортом и строительными материалами. Кировской области ассигновано на барачное строительство для эвакуированного населения 2300 тыс. руб. [9]

К 1 января 1942 г. в Кировской области планировалось построить 32 объекта, в основном жилые дома различного типа и столовые. В среднем к указанному сроку строительство было выполнено лишь на 30%. Возведение более десятка бараков, сдача в эксплуатацию которых была запланирована на весну 1942 г., даже не начиналось [10]. В последующие военные годы система построек барачного типа получила широкое распространение. К началу 1943 г. бараки и другое упрощенного типа жилье составляли 14,3% жилфонда Волго-Вятского региона [11].

По неполным данным, в г. Кирове на 1 апреля 1942 г. проживали 11610 эвакуированных семей. Из них 8469 семей прибыли с предприятиями и учреждениями в организованном порядке, неорганизованно – 2441 семья (13969 взрослых и 5274 ребенка). Эвакуированные занимали 2502 отдельные комнаты, 893 – проходные комнаты, и 4429 чел. расселены на уплотнение [12].

В сводках многих заводов сообщалось: «У эвакуированных “чемоданное настроение”. Особенно на заводе № 32 рабочие стремились быстрее уехать» [13]. Подобным настроениям способствовало принятие постановления СНК СССР от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» [14]. Изъятое жилье поступало в распоряжение местных Советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано родственникам, знакомым, поступало в продажу в комиссионные магазины.

За 1941–1943 гг. для эвакуированных предприятий было построено 125570 кв. м производственных площадей и 6600 кв. м жилой площади. Например, на заводе «Красный инструментальщик» за период 1943–1944 гг. было пущено семь домов площадью 2143 кв. м. Так руководство завода пыталось хотя бы частично решить жилищную проблему. В них проживали 321 рабочий и 180 иждивенцев. Но по-прежнему жилплощадью было обеспечено только 33% рабочих [15]. До конца войны жилищная проблема на заводе не была решена.

В районах области ситуация была еще хуже. Из-за нерационального распределения населения с целью дальнейшего трудоустройства эвакуированных повторно переселяли. 90% эвакуированных размещали в районных центрах (Белохолуницкий, Слободской, Советский, Яранский районы). Точного учета населения не велось.

На колхозы возлагались задачи по обеспечению эвакуантов не только жильем, но и топливом, продовольствием и бытовыми предметами. У многих колхозов просто не было средств и возможностей оказать такую помощь, поэтому эвакуированные вынуждены были сами заготавливать дрова. Денег для покупки товаров на рынке не было. Сеть общественного питания во многих районах отсутствовала. Основным продуктом был выдаваемый по нормам хлеб. Местные

жители пытались избавиться от эвакуированных, лишая их минимальных удобств. Например, в колхозе «Доброволец» Халтуринского района хозяин дома, где проживала эвакуированная А. А. Суворова, не отпирал ей дверь, мотивируя, что та возвращается поздно с работы [16].

Проблему размещения эвакуированных рабочих Кировский городской исполнительный комитет также решал путем предоставления земельных участков под строительство жилых помещений. Заводу № 461 под строительство десяти деревянных и восьми квартирных домов выделена земля площадью 2,58 га у слободы Мухино, заводу № 324 – 15 га с северной стороны промышленной площадки предприятия, заводу «Красный инструментальщик» – земельный участок площадью 5078,59 кв. м в слободе Шевели [17].

В связи с возросшими темпами миграции большое значение приобрело банное и прачечное обслуживание населения. За годы войны в городах области были построены 12 коммунальных бань. Всего в области к концу войны действовали 54 коммунальные бани и санитарных пропускных пунктов. В целом пропускная способность бань выросла в 2 раза и составляла на момент окончания войны 3918 мест в сутки.

Продовольственное снабжение эвакуированного населения осуществлялось по общим правилам, но наладить его удавалось не всегда (карточная система, сеть общепита).

В сложных условиях передвижения больших масс населения резко возросло количество заболеваний. В одной из справок о санитарном состоянии станции Лянгасово сообщалось: «В пути эвакуированные лишены медпомощи. Почти после каждого эшелона на путях остаются трупы. Их складывают в сарайчик, где они лежат неизвестное время» [18]. Подобная ситуация была на многих станциях.

Наибольшее распространение эпидемические заболевания получили в населенных пунктах, расположенных при железнодорожных линиях (Зуевский, г. Киров, Котельничский районы), на трактах (Вятскополянский, Свечинский, Слободской), а также в районах массового вселения эвакуированных (все названные выше и Кикнурский, Омутнинский, Просницкий, Шабалинский) [19]. Пик распространения инфекций пришелся на осень 1941 г. – зиму 1942 г. По сообщениям Противоэпидемического управления, «весьма тяжелая эпидемическая обстановка сложилась на отдельных участках при-фронтной полосы, особенно в зоне эвакуации населения» [20]. Заболеваемость в Кировской области сыпным тифом в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 1447,9%, цингой – на 1478,3%, брюшным тифом и паратифом – на 180,8% [21]. Наиболее крупными очагами сыпного тифа являлись ст. Киров-1, Кировская тюрьма, завод № 38 [22].

Эвакуация населения и промышленных предприятий в глубокий тыл страны решала двойную задачу: во-первых, сохранять жизнь многим гражданам и спасти от разграбления государственные предприятия; во-вторых, незамедлительно приводить в действие производительные силы на новом месте и тем самым непрерывно наращивать военно-экономическую мощь нашей Родины [23].

19 сентября 1941 г. Кировский областной исполнительный комитет принял решение «О расселении и трудоустройстве эвакуированного населения» [24]. Сведения о трудоустройстве эвакуированных в первые месяцы войны являются далеко не полными. На 14 октября 1941 г. по 14 районам Кировской области числились 20632 эвакуированных трудоспособного возраста, из которых 53,8% – работали в промышленности (главным образом на эвакуированных предприятиях), 32,9% – в сельском хозяйстве, 7,5% – в строительстве, 5,8% – не трудоустроены.

Наиболее полные сведения о структуре трудоспособного эвакуированного населения имеются за 1942 г. Они соответствуют специфике половозрастного состава эвакуированного и прибывшего в регион населения в целом. Из общего количества эвакуированных 85767 чел. (43,8%) относились к категории «трудоспособные», из них 74685 чел. (87,1%) – трудоустроены. 43% трудящихся эвакуированных работали в колхозах, 30,5% в промышленности, 22,6% в промкооперации и 3,9% в учреждениях [25].

По неполным данным, на 1 марта 1943 г. на территории РСФСР числились 5125,5 тыс. эвакуированных, из них трудоустроены 2023,5 тыс. чел. По отдельным областям и краям процент трудоустроенных колебался от 96,3% (Удмуртская АССР), 96,0% (Чувашская АССР), 92,0% (Чкаловская и Саратовская области) до 66,0% (Тамбовская область). Большинство трудоустроенных работали в промышленности – 756,7 тыс. чел. (39,0%), совхозах, МТС и колхозах – 699,0 тыс. чел. (35,9%), государственных учреждениях – 417,0 тыс. чел. (21,4%) и в прочих (транспорт, связь и т. д.) – 74,0 тыс. чел. (3,7%) [26].

На 1 января 1944 г. в Кировской области проживали 142,6 тыс. эвакуированных: в городах – 40,6 тыс., в сельской местности – 102,0 тыс. Трудоспособных – 68,0 тыс. (47,7%), трудоустроены – 52,6 (77,4%).

Особую заботу и внимание оказывали детским эвакуированным учреждениям. По данным Отдела СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, за 1943 г. были эвакуированы 2 тыс. детских учреждений с общей численностью 233,5 тыс. детей. Уже 18 июля 1941 г. Кировский областной исполнительный комитет принял решение «Об обслуживании детских домов, детских садов, эвакуированных в Кировскую область» [27].

Все прибывшие детские организации были прикреплены к лечебно-профилактическим учреждениям для проведения медицинских осмотров и оказания регулярной медицинской помощи. Особенно в ней нуждались ленинградские дети. К 30 июля 1941 г. в Кировскую область были эвакуированы около 3 тыс. ленинградских детей. Всего в 1941 г. в область прибыли 205 детских интернатов, в том числе 65 школьных, 16 дошкольных и 123 смешанных с общим количеством 22 855 чел. [28] Для размещения интернатов в Кировской области было отдано 400 лучших школьных зданий [29].

На 1 сентября 1941 г. для эвакуированных детей и взрослых было выдано хлопчатобумажной ткани на 490 тыс. руб., детской обуви – 3590 пар, трикотажных и чулочных изделий – на 160 тыс. руб., обуви валенной – на 45 тыс. руб., готовой одежды – на 370 тыс. руб.

Местным артелям была поставлена задача изготовить пальто ватное школьное – 6,3 тыс. шт., дошкольное – 11,4 тыс. шт., платье – 10,4 тыс. шт., сорочка для мальчиков – 7,3 тыс. шт., для девочек – 10,4 тыс. шт., штаны – 10,4 тыс. шт., кальсоны – 7,3 тыс. шт. [30]

В апреле 1942 г. установлены нормы отпуска хлеба для детей дошкольного возраста в местных и эвакуированных детских домах и интернатах в размере 400 гр. в сутки на ребенка и 600 гр. для детей школьного возраста. Однако при детских домах Кировской области до того времени не были организованы свинооткормочные пункты, подсобные хозяйства [31].

Во всех учреждениях было много ослабленных детей со сложными заболеваниями: авитаминозом, фурункулезом, туберкулезом. Из 500 эвакуированных детей в учреждениях Слободского района обнаружены 97 больных дистрофией и 63 – туберкулезом [32].

В связи с реэвакуацией и структурной реорганизацией количество интернатов и находящихся в них воспитанников сократилось. В 1943 г. в Кировской области насчитывалось 154 интернатов, в которых находились 13 250 детей. Из общего количества детей в интернатах 7495 – дети фронтовиков, 1590 – сироты, потерявшие родителей в условиях войны, 265 – никаких сведений о родителях не имели, у 2835 воспитанников отцы либо погибли, либо находились на фронте (матери жили в Кировской области, но не могли заниматься их воспитанием), у 530 детей родители были эвакуированы в другие тыловые регионы, и об их судьбе ничего не было известно [33]. С момента эвакуации по 1 апреля 1943 г. были переданы родителям и близким родственникам 9405 детей, направлены в школы фабрично-заводского обучения – 106, устроены на работу – 56.

Жители Кировской области пытались помочь эвакуированным детским учреждениям. В 1942 г. местной промышленностью были изготовлены для детей 14000 пар кожаной обуви и 10000 пар валенок. По 33 районам области для них было собрано 20337 вещей (варежки, пальто, одеяла и т. д.). Местные колхозы брали их под свою опеку, помогая продовольствием и промышленными товарами, заготавливая для них дрова и т. д. Повсеместно получил поддержку пример учительниц А. М. и Е. М. Костриковых, предложивших брать шефство над эвакуированными детьми. В г. Кирове при детских домах и интернатах для эвакуированных детей были организованы комитеты женщин-общественниц [34].

Комсомольцы и молодежь, помогая детским учреждениям в подготовке к зиме, собирали для детей теплую одежду и обувь. Для учащихся 1-х классов комсомольцы и молодежь промартели и промкооперации изготовили 40 тыс. комплектов учебно-наглядных пособий.

В марте 1942 г. состоялся областной партийно-советский и комсомольский актив, обсудивший состояние работы детских учреждений и условия жизни в них детей. Обращение, принятое активом, подняло новую волну помощи детям бойцов Красной армии.

Отклик среди молодежи, комсомольцев, рабочих и служащих области нашел почин нашего земляка-кировчанина капитана Тихоокеанского флота Петра Безноскова, взявшего на воспитание девочку-сироту Надю, родители которой погибли. Мать Петра Безноскова призвала кировских патриотов последовать примеру ее сына.

С началом войны помощь матерям и детям оказывалась и по линии Красного Креста. Большая работа была проведена силами активистов Красного Креста на эвакуационных пунктах, где они ухаживали за детьми, давая матерям отдых, приносили им пищу, стирали пеленки, под руководством врача оказывали первую медицинскую помощь. Организации Красного Креста области приложили все усилия, чтобы обеспечить разгрузку эвакуэшелонов.

Дружинница Туманова со своим звеном оказала помощь матери и новорожденному и приняла роды в вагоне. Особенно хорошо работали девушки в детской комнате, они ухаживали за детьми, кормили и мыли их, стирали белье, приобретали игрушки.

Многие женщины оказывали эвакуированным детям помощь. Так, в с. Шестаково женщины срочно сшили постельное белье для эвакуированных детей. В Комаровском сельсовете Лебяжского района в одну ночь были приготовлены топчаны для всех детей, доставлено молоко, яйца, хлеб.

Женский актив и учителя г. Молотовска подготовились к встрече детского дома. Заранее приспособили помещение, приготовили горячую пищу. По приезде детей вымыли в бане и накормили.

В ноябре 1941 г. состоялось областное совещание женщин-общественниц по вопросу оказания шефской помощи эвакуированным детским учреждениям, ими были взяты конкретные обязательства.

В большинстве районов прошли районные женские активы. Женщины-активистки Зуевского района энергично включились в помощь имеющимся детским учреждениям. В совхозе им. К. Ворошилова этого района женщины организовали комнаты отдыха для ребят. Женщины оказали большую помощь интернату в заготовке продуктов на зиму, в стирке, пошивке и починке белья.

В январе 1942 г. общественность колхоза «Сталинец» Верховинского сельского совета Верховинского района, обсудив на общем колхозном собрании вопрос о помощи эвакуированным детям, обратилась к колхозникам и колхозницам области с призывом создать для детских учреждений продовольственные и денежные фонды, обеспечить их топливом на весь год. Колхозы, совхозы, заводы и предприятия брали шефство над детскими учреждениями, оказывая им большую помощь как в разрешении хозяйственных дел, так и в вопросах воспитания детей.

8 марта 1942 г. проводился областной воскресник помощи детям. В воскреснике участвовали свыше 70 тыс. чел. В результате было собрано средств для детей свыше 500 тыс. руб. Собрано и изготовлено 33 тыс. вещей, обуви, одежды, продуктов питания.

Эвакуация населения в тыл дала шанс миллионам граждан выжить в период войны. Эвакуированным рабочим, колхозникам, интеллигенции – всем им предстоял нелегкий путь адаптации к новым условиям. Большинство местных жителей стремилось помочь эвакуированным. Война – общая беда, общее горе, и вера в Победу сплотила всех. Именно это позволило эвакуированному населению пережить голодные годы, работать на пределе человеческих возможностей и ждать, когда наступит возможность вернуться в родные края. Для некоторых из них Кировская область навсегда осталась родным домом.

Примечания

1. Потемкина М. Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы на Урале в 1941–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 185.
2. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 883. Л. 20–21.
3. Перчиков Ю. А. Советы Волго-Вятского региона РСФСР. 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 16.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 8. Л. 17.
5. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.
6. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 14. Д. 2. Л. 43.
7. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 3. Д. 328. Л. 99.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 65.
9. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 44. Л. 3.
10. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.
11. Загвоздкин Г. Г. Цена победы. Социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. С. 185.
12. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 3. Д. 396. Л. 23.
13. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 72. Л. 19.
14. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 617. Л. 48.
15. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 9. Д. 209. Л. 38.
16. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 28. Л. 41.
17. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 8. Д. 4. Л. 180, 192, 212.
18. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 26. Л. 132.
19. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 684. Л. 128 об.
20. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 1.

21. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2 Д. 472. Л. 11.
22. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 8. Д. 71. Л. 112.
23. Щеголев К. М. Участие эвакуированного населения в колхозном производстве Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1959. № 2. С. 139.
24. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 6. Л. 164–165.
25. ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 21. Л. 227–227 об.
26. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.
27. Горев Н. А. Эвакуированные ленинградцы на Кировской земле // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 181.
28. Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сб. документов / сост. П. А. Березин, А. С. Быстрова, П. И. Корепанов. Киров: Киров. кн. изд-во, 1961. С. 224.
29. ГАКО. Ф. Р-2342. Оп. 1. Д. 238. Л. 220–221.
30. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 44. Л. 20.
31. ГАРФ. Ф. Р-327. Оп. 2. Д. 44. Л. 17.
32. ГАКО. Ф. Р-2169 Оп. 1. Д. 809. Л. 33.
33. Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 234.
34. Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финоянов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 49.

Notes

1. Potemkina M. N. Jevakuacionno-rejevakuacionnye processy na Urale v 1941–1948 gg.: dis. ... d-ra. ist. nauk [Evacuation and recovery processes are in the Urals in 1941–1948 gg. : dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Ekaterinburg, 2004. P. 185.
2. State archive of the Kirov region (hereinafter – SAKR). F. R-2169. In. 1. C. 883. L. 20–21.
3. Perchikov Y. A. Sovety Volgo Vjatskogo regiona RSFSR. 1941–1945 gg. [Soviet Volga Vyatka region of the RSFSR. 1941–1945. Saratov: Publishing house of Saratov]. University Press, 1992, p. 16.
4. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. R-327. In. 2. C. 8. L. 17.
5. SARF. F. R-327. In. 2. C. 7 L. 1–2.
6. SAKR. F. R-2344. In. 14. C. 2. L. 43.
7. SAKR. F. R-897. In. 3. C. 2. L. 99.
8. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam (1917–1967 gg.): v 5 t. T. 3. 1941–1952 gg. [The decisions of the party and the government on economic matters (1917–1967 gg.): 5 volumes. Vol. 3. 1941–1952 gg.] / Comp. K. Chernenko, M. Smirnyukov. M.: Publishing House of Political Literature, 1968. P. 65.
9. SARF. F. R-327. In. 2. C. 44. L. 3.
10. State Archive of Social and Political History of the Kirov region (hereinafter – SASPHKR). F. P-1291. In. 1. C. 26. L. 66.
11. Zagvozdkin G. G. Cena pobedy. Social'naja politika voennyh let [Price of victory. Social policy of the war years]. Kirov: Volga-Vyat. Vol. Publishing House, 1990. 185 pp.
12. SAKR. F. R-897. In. 3. C. 396. L. 23.
13. SASPHKR. F. P-1290. In. 7. C. 72. L. 19.
14. SAKR. F. R-2169. In. 1. C. 617. L. 48.
15. SASPHKR. F. P-1290. In. 9. C. 209. L. 38.
16. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 28. L. 41.
17. SAKR. F. R-897. In. 8. C. 4. L. 180, 192, 212.
18. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 26. L. 132.
19. SAKR. F. R-2169. In. 1. C. 684. L. 128 об.
20. SARF. F. R-8009. In. 3. C. 261. L. 1.
21. SAKR. F. R-2344. In. 2. C. 472. L. 11.
22. SASPHKR. F. P-1290. In. 8. C. 71. L. 112.
23. Shchegolev K. S. Uchastie jevakuirovannogo naselenija v kolhoznom proizvodstve Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Involvement the evacuated population in collective farm production in Western Siberia during the Great Patriotic War] // History of the USSR. 1959. № 2. P. 139.
24. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 6. L. 164–165.
25. SASPHKR. F. P-1291. In. 1. C. 21. L. 227–227 об.
26. SARF. F. R-327. In. 2. C. 8. L. 19.
27. Egorov N. A. Jevakuirovannye leningradcy na Kirovskoj zemle [Evacuated from Leningrad in Kirov land] // Questions of history. 1986. № 8. P. 181.
28. Kirovskaja oblastnaja partijnaja organizacija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sb. dok. [Kirov regional party organization during the Great Patriotic War: sat. doc.] / Comp. by P. Berезin, A. Bystrov, P. I. Korepanov. Kirov: Kirov. Vol. Publishing House, 1961. 224 pp.
29. SAKR. F. R-2342. In. 1. C. 238. L. 220–221.
30. SARF. F. R-327. In. 2. C. 44. L. 20.
31. SARF. F. R-327. In. 2. C. 44. L. 17.
32. SAKR. F. R-2169. In. 1. C. 809. L. 33.